11. Istorija g. Stalingrada i oblasti v 1937–1953 gg.: materialy k fakul'tativnomu kursu. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo, 2008.

12. Kuz'mina Je.V. Vosstanovlenie Stalingrada. 1943–1950. Volgograd: Izdatel', 2002.

13. Red'kina O.Ju., Pishhulina S.Ju. Uchastie Stalingradskoj gruppy vojsk v sanitarnoj ochistke territorii goroda i oblasti posle okonchanija Stalingradskoj // Pamjat' i vremja: vlijanie vojn i vooruzhennyh konfliktov XX v. na rossijskoe obshhestvo: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Novorossijsk, 12–15 sentjabrja 2016 g.). Penza: Izd-vo PGU, 2016. S. 67–72.

14. Stalingradskaja bitva. Ijul' 1942 – fevral' 1943: jencikl. Volgograd: Izdatel', 2015.

15. Stalingradskaja gruppa vojsk. Fevral' – maj 1943 g.: dokumenty i materialy. Volgograd: Izdatel', 2004.

16. Stalingradskaja oblast' (1939–1943). Cifry i fakty: informacionno-statisticheskij spravochnik. Volgograd: Izdatel', 2017. T. 1.

17. Stalingradskij gorodskoj komitet oborony v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dokumenty i materialy. Volgograd: Izdatel', 2003.

18. Stalingradskaja oblast' v postanovlenijah Gosudarstvennogo Komiteta Oborony (1943–1945): dokumenty i materialy. Volgograd: Izdatel', 2011.

19. Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO). F. 71. Op. 2.

20. CDNIVO. F. 113. Op. 14. D. 24.

21. CDNIVO. F. 171. Op. 1. D. 15.

Restoration of the Stalingrad transport system after the Battle of Stalingrad

The transport system of the city and the region was destroyed during the Battle of Stalingrad. After the end of the battle, the restoration of waterways, railways, tram and roads began. The authors describe the process details; show the role of the Stalingrad group of forces in the process. The range of fundamental problems that arise when restoring the socio-economic life of the region is under consideration in the article.

Key words: *roads, restoration, railway, water transport, the Battle of Stalingrad, the Stalingrad group of forces, Stalingrad City Committee for Defense, tram, transport system.*

(Статья поступила в редакцию 14.07.2017)

С.В. СЕРЕБРЕННИКОВ
(Кемерово)

ПОБЕГИ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЕЙ (1945–1956 гг.) (страницы отечественной и зарубежной историографии)

Впервые рассматривается освещение отечественными и зарубежными исследователями побегов японских военнопленных из лагерей, расположенных на территории СССР (1945–1956 гг.). Представлен историографический анализ работ исследователей России, Казахстана, Украины, Швейцарии, Японии, опубликованных в 1992–2017 гг. и касавшихся в той или иной степени побегов японских военнопленных из лагерей, размещенных на территории Советского Союза.

Ключевые слова: *японские военнопленные в СССР, ГУПВИ, лагеря НКВД – МВД СССР, побеги военнопленных, охрана, отечественная историография, зарубежная историография.*

Одним из результатов Советско-японской войны 1945 г. стало пленение большей части Квантунской армии и размещение на территории СССР, по разным оценкам, от 540 до 610 тыс. бывших военнослужащих японской армии [15, с. 580]. К настоящему времени не издано ни одной научной работы, посвященной побегам японских военнопленных из лагерей, располагавшихся на территории СССР. Но вопрос нашел отражение в диссертациях и монографиях о японских военнопленных, а также иностранных военнопленных Второй мировой войны. Опубликован и целый ряд научных статей, авторы которых затрагивают интересующий нас вопрос. Однако анализ освещения историками побегов японских военнопленных из советских лагерей до сих пор не был осуществлен.

Первым о побегах японских военнопленных написал историк из Улан-Удэ О.Д. Базаров. В 1992 г. он упомянул в небольшой статье о побегах из лагерей Бурят-Монгольской АССР [2, с. 73]. В 1994 г. в первой монографии о японских военнопленных в СССР, изданной в России, О.Д. Базаров и С.И. Кузнецов уделили побегам японцев из лагерей Бурятии существенно больше внимания. Авторы указали и количество побегов за время суще-

© Серебренников С.В., 2017

ствования в данном регионе лагерей (октябрь 1945–1948 гг.) – 19, и число участников – 25 чел., отметив, что все беглецы «задерживались и водворялись обратно в лагеря» [3, с. 16]. Авторы сообщили о так называемых бригадах содействия (БС) из местных жителей («комсомольцев и актива»), созданных в республике для поиска и задержания беглецов. Они отметили, что количество бригад составило 45, а число членов в них – 645, но не указали даты, которым соответствовали эти данные [Там же, с. 16–17].

По информации историков, обыски жилых помещений и самих военнопленных (так называемые шмоны) в целях предотвращения беспорядков и побегов производились ежемесячно. «Постоянный “улов”, – отмечают авторы, – ломы, кирки, самодельные ножи, молотки, напильники и прочий режущий и колющий инструмент. Время от времени у военнопленных изымались топографические карты, дневники. Однажды в марте 1946 года в лаготделении № 2 лагеря № 28 у японского военнопленного был даже изъят пистолет с патронами» [Там же].

В учебном пособии, изданном С.И. Кузнецовым в 1994 г., а также в защищенной им в том же году диссертации вопрос о побегах японцев также нашел отражение. Историк объясняет причины побегов тяжелым физическим трудом, «бесправным положением», «невыносимыми условиями лагерного существования (особенно 1945–1946 гг.)» [16, с. 110; 18, с. 185]. С.И. Кузнецов отмечает: «Документы архивов свидетельствуют, что по России в каждом лагере в год было не более двух-трех попыток бегства» [16, с. 110; 18, с. 186]. Исследователь также высказывает свое мнение по этому поводу: «Думается, что в действительности их было гораздо больше, лагерное начальство не было склонно афишировать все случаи побегов, это свидетельствовало бы об ослаблении режима и беспорядке в лагере» [16, с. 110].

«Судьба многих беглецов была печальной», – сообщает историк с явной симпатией к ним и приводит конкретные случаи, когда бежавшие были убиты во время преследования [16, с. 110; 18, с. 187]. С.И. Кузнецов дает характеристику тем, кто преследовал беглецов и применял оружие: «Охрану в зонах, при перевозках и на работе вели подразделения внутренних войск, которых не интересовало здоровье военнопленных, условия их жизни и работы. Главное для них заключалось в том, чтобы любой ценой не допустить побега. <…> Зачастую охрана состояла из малообразованных, ограниченных и жестоких людей, развращенных атмосферой вседозволенности сталинских лагерей. Человек для них – будь то японец или русский – был лишь “лагерной пылью”» [16, с. 111].

Такая позиция в 1990-е гг. была характерна для большинства авторов, писавших о японских военнопленных. Известный историк советского военного плена А.Л. Кузьминых, характеризуя работы отечественных историков, отмечал: «На рубеже 1980–1990-х гг. марксистская идеология уходит в прошлое, уступая место концепции тоталитаризма. Особенностью историографии этого периода стал резко обличительный тон в освещении деятельности органов НКВД – МВД, на которые возлагалась ответственность за преступления сталинского режима» [22, с. 16].

Во второй половине 1990-х гг. О.Д. Базаров, С.И. Кузнецов, Е.Ю. Бондаренко и М.А. Кузьмина опубликовали монографии, в которых затрагивался вопрос о побегах японских военнопленных. М.А. Кузьмина привела информацию о количестве японцев, совершивших побеги из лагерей Хабаровского края за период с 1 января по 10 июля 1946 г. (152 человека). Она указала, что из Хабаровского лагеря № 16 бежал 31 пленный, из Благовещенского лагеря № 20 – 23, из лагеря № 21 – 4 [20, с. 62]. Впервые в отечественной историографии было сказано о том, что со стороны некоторых беглецов имели место жестокость и убийства тех, кто их охранял и преследовал. М.А. Кузьмина привела фрагмент архивного документа об убийстве работника охраны: «7.12.45 вахтер Якимов из лагерного отделения № 7 лагеря № 20 преследовал трех убежавших японцев. Они его убили прикладами» [Там же].

По мнению М.А. Кузьминой, побегам способствовало то, что многие лагеря, спецгоспитали во второй половине 1945 г. и в 1946 г. не были должным образом оснащены технически. Она опубликовала фрагмент документа из архива: «Совершенно не построена зона для госпиталей № 888, 893, 1327. Большой недостаток колючей проволоки. Слаба техническая связь и сигнализация. Для полного оборудования лагерей Хабаровского края надо: 500 тонн колючей проволоки, 500 телефонных аппаратов, 300 тонн телефонного кабеля. Спецгоспитали № 1327 (Переяславка) и № 1893 (Хор) не охраняются, так как их зоны не оборудованы» [Там же].

Е.Ю. Бондаренко уделила вопросу о побегах крайне мало внимания. Ссылаясь на архивный документ, она приводит такие данные:

«Всего же за 6 месяцев 1946 г. с рабочих мест бежали 177 военнопленных, 30 из которых так и не были разысканы» [5, с. 15]. Других сведений о побегах японцев в ее монографии нам обнаружить не удалось.

В монографии О.Д. Базарова вопрос о побегах японцев из лагерей Бурят-Монгольской АССР также фактически не освещен. Автор привел лишь сведения о режиме в лагерях республики. При этом материал о ежемесячно проводимых, как пишет автор, «шмонах», в том числе об изъятии в марте 1946 г. в лаготделении № 2 (Городок) лагеря № 28 у японского военнопленного пистолета с патронами [1, с. 24–25] ранее уже публиковался. Однако обращает на себя внимание описанный О.Д. Базаровым случай побега 7 января 1946 г. в районе села Верхние Тальцы военнопленного Ренко Нобору. Автор пишет, что пленный «при задержании якобы оказал сопротивление и поэтому был убит» [Там же, с. 24]. Никакой иной информации о данном событии историк не привел. Остались вопросы: все-таки оказал ли сопротивление пленный при задержании? Почему О.Д. Базаров использовал слово «якобы», почему опубликовал информацию в таком виде?

Затрагивая в своей монографии вопрос о применении оружия охранниками и конвоирами во время задержания беглецов, С.И. Кузнецов пишет, что формулировкой «убит при попытке к бегству» власти «некоторых лагерей <…> пытались оправдать неправомерное применение оружия» [19, с. 116–117]. Историк привел несколько случаев, когда беглецов убивали. Сочувствуя погибшим, автор вновь пишет о «ничем не оправданной жестокости конвоиров» [Там же, с. 117]. О том, имели ли место случаи применения конвоирами оружия, когда возникала угроза их жизни из-за нападения беглецов, автор не пишет.

В начале 2000-х гг. защитили диссертации М.Н. Спиридонов и С.В. Карасев, впервые рассмотревшие вопросы, связанные с пребыванием японских пленных в лагерях Красноярского края [29] и Читинской области [12]. М.Н. Спиридонов уделил вопросу о побегах относительно много внимания. Так, он перечислил обстоятельства, препятствовавшие побегам японцев из лагерей края: зимнее время (мороз), удаленность на тысячи километров от родины, проблемы с пищей, незнание языка и местности, но отметил, что тем не менее «отчаянные попытки предпринимались, и неоднократно» [29, с. 164–165]. Историк назвал причины, «толкавшие пленных» на побег: голод, позор плена, тяжелый физический труд, произвол конвоя, смерть товарищей, «перспектива навсегда остаться в Сибири» [29, с. 164].

Отметив, что грубость и произвол со стороны конвоя «были делом отнюдь не редким», М.Н. Спиридонов уточнил, что в первую очередь это было характерно для «удаленных лагерных отделений, где отсутствие контроля и безнаказанность конвоиров часто заканчивались трагически для военнопленных» [29, с. 165]. Историк пишет, что наибольшим число побегов было в начальный период («в октябре, ноябре 1945 г. и начале 1946 г.») и называет среди факторов, тому способствовавших, «отсутствие нужного числа конвоиров на объектах работы военнопленных» [Там же, с. 166]. Отметив, что большинство побегов были спонтанными, М.Н. Спиридонов проанализировал другие побеги – «хорошо подготовленные» – и выявил, что их организаторами и участниками были бывшие офицеры [Там же, с. 166–167]. Автор привел конкретные примеры таких побегов. В его диссертации мы видим и факты преступных деяний пустившихся в побег пленных. Так, он пишет: «военнопленные напали на рабочего <…>, ударом топора в затылок убили его, ограбив» [Там же, с. 167].

Представляет ценность составленная историком по архивным данным таблица о побегах японских пленных из лагерей Красноярского края № 33 и № 34 за 1946-й год [Там же, с. 167–168]. Автор сообщил, что в архивах «отсутствуют полные данные о количестве побегов военнопленных за 1947 и 1948 гг.», и это не позволило ему представить подробные сведения за весь период пребывания японцев в Красноярском крае [Там же, с. 168].

Как и С.И. Кузнецов, М.Н. Спиридонов высказал предположение, что количество бежавших было «гораздо большим», чем отмечается в архивных документах, т.к. «администрация лагерей часто скрывала реальные цифры» [Там же, с. 168]. Довольно много внимания историк уделил характеристике БС, создаваемых для поимки бежавших, сообщив, что в Красноярском крае в 1946 г. было организовано 90 таких бригад с общим количеством членов 429 чел. В 1947 г. количество участников бригад возросло до 502. БС действовали, по информации историка, в 76 населенных пунктах края [Там же, с. 168]. Основными причинами, приведшими к сокращению числа побегов, по мнению историка, стали улучшение питания и жилищно-бытовых условий, «общая адаптация военнопленных к условиям плена», начавшаяся репатриация [Там же, с. 169].

В диссертации С.В. Карасева мы обнаружили лишь два упоминания о побегах японских пленных. В первом случае автор говорит о распоряжении руководства комбината «Балейзолото», запрещавшем для рабочих, ИТР и служащих «вести торговлю с военнопленными»; в документе разъяснялось, что военнопленные могут «создать запас продуктов и денег для совершения побега» [12, с. 109]. Во втором случае историк описал побег, который совершили 20 апреля 1946 г. «в район города Скороводино <…> 20 японских военнопленных 9 лагерного отделения 6 лагеря» [Там же, с. 118]. С.В. Карасев указал, что при совершении побега пленными был убит охранник; участники побега в итоге были задержаны, «часть из них оказала сопротивление и была убита» [Там же, с. 118]. В параграфе «Оперативно-чекистская работа в лагерях японских военнопленных» историк сформулировал задачи оперативно-чекистских мероприятий. Среди таких задач – «получение информации о настроениях военнопленных, фактах нарушения правил внутреннего распорядка» и др., но слов о предотвращении побегов мы не видим [Там же, с. 120].

В монографии Е.Ю. Бондаренко, изданной в 2002 г., нам не удалось обнаружить новых сведений о побегах японцев из дальневосточных лагерей. Историк повторно разместила материал, ранее уже публиковавшийся ею [4, с. 131].

В начале 2000-х гг. приступила к изучению вопросов, связанных с пребыванием военнопленных Второй мировой войны в лагерях Западной Сибири, Н.М. Маркдорф. В отдельных ее работах встречаются сведения о побегах японских военнопленных из западносибирских лагерей [24–25]. В последние годы Н.М. Маркдорф вместе с А.А. Долголюком публикует работы, территориальные рамки которых охватывают всю Сибирь. В монографиях, изданных в 2014 и 2016 гг. [7–8], присутствует материал о побегах японских военнопленных из лагерей, размещенных и в Западной, и в Восточной Сибири. В их публикациях раскрываются некоторые аспекты вопроса о побегах, которые слабо освещены другими авторами. Так, А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф пишут о выявлении лиц, склонных к побегам, многочисленной «агентурой» из числа самих военнопленных и работников лагерей [7, с. 112–113; 8, с. 122–123].

В одной из статей Н.М. Маркдорф указала, что НКВД – МВД к числу основных задач оперативно-агентурной работы относил «организацию агентурно-оперативных мероприятий среди окружающего лагеря, ОРБ и спецгоспитали местного населения, лагерного персонала, работников производства и военнопленных для предотвращения побегов и иных нарушений лагерного режима (разрядка наша. – *С.С.*)» [25, с. 102].

А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф не только пишут о БС, но и указывают, что в ряде населенных пунктов по приказам начальников НКВД выставлялись «оперзаградпосты <…>, которые действовали совместно с местными органами управления и БС» [8, с. 122]. Встречаются в трудах новосибирских авторов и ничем не подкрепленные суждения. Так, они пишут, что «пленные восточносибирских лагерей» не могли рассчитывать на помощь местного населения [7, с. 110; 8, с. 120].

В 2007 г. С.В. Карасев защитил докторскую диссертацию, территориальные рамки которой охватывали всю территорию СССР, но вопросу о побегах пленных он отвел скромное место. Автор вновь привел сведения по Читинской области. Побегам японцев, совершенным в октябре 1945 г. (25 человек бежало, 20 из них были задержаны, 5 – убиты), способствовало, как пишет С.В. Карасев, отсутствие войсковой охраны. Эта охрана прибыла на территорию области только в конце октября и приступила к своим обязанностям с 1 ноября. До этого охрану лагерей несли «только вахтеры, числом по 5–10 чел. в каждом лагерном отделении» [11, с. 372]. С.В. Карасев сформулировал основные причины быстрого задержания беглецов: незнание ими русского языка и особенностей жизни в Советском Союзе, ярко выраженные национальные черты, отличия в одежде («как правило, это была японская военная форма без знаков различия») [11, с. 372–373].

В 2016 г. Э.-Б. Гучинова опубликовала монографию, в одной из глав которой в параграфе «Смекалка и планы побега» говорится о побегах японских военнопленных из сибирских лагерей. Э.-Б. Гучинова впервые в историографии для оценки различных сторон пребывания японцев в лагерях СССР использовала изобразительный метатекст, дополненный материалами опубликованных воспоминаний и устных интервью бывших пленных, собранных ею в Японии. Но параграф «Смекалка и планы побега» подготовлен лишь на основе воспоминаний японских пленных и материалов книги М.А. Кузьминой, откуда Э.-Б. Гучиновой взяты сведения и о количестве пленных, бежав-

ших из лагерей Хабаровского края и об убийстве тремя беглецами вахтера лагерного отделения № 7 лагеря № 20 [6, с. 78–80].

Завершим анализ работ российских историков обращением к трудам А.Л. Кузьминых [21–23], М.В. Ходякова [32], С.Г. Сидорова [28], Ю.А. Мизиса [26] и С.И. Кузнецова [17], опубликованным в 2013–2017 гг.

А.Л. Кузьминых в диссертации, монографии и статье основательно проанализировал побеги иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР. Опубликованный им материал (в том числе о побегах бывших военнослужащих японской армии), а также оценки и суждения значимы. Историк подробно охарактеризовал систему привлечения населения к поиску и задержанию беглецов, центральное место в которой играл актив из местных жителей (прежде всего коммунистов и комсомольцев), названный БС. О БС писали многие авторы, но А.Л. Кузьминых всесторонне раскрыл данную систему. Он отметил неэффективность БС, созданных в Западной Украине и Прибалтике, где местное население нередко укрывало беглецов. «Так же обстояло дело, – замечает историк, – в регионах, где имелось значительное количество спецпоселенцев (Казахстан)» [22, с. 212].

Материалы сибирских историков о БС не позволяют говорить о неэффективности этих бригад в Сибирском регионе (в отношении японских военнопленных). Однако нельзя не видеть того, что во многих случаях (и это описано исследователями) часть местных жителей помогала беглецам, укрывала их. При этом причины такого отношения сибиряков к беглецам японской национальности совершенно иные, нежели у жителей Западной Украины и Прибалтики по отношению к беглым пленным бывшей немецкой армии. Главным фактором здесь стало «человеческое участие, сострадание» со стороны местных жителей [3, с. 19], не воспринимавших японцев как «непримиримого врага» (в отличие от немцев, напавших на СССР). Японский историк Т. Томита также обратил на это внимание [31, с. 457] и опубликовал цитату из выступления секретаря одного из дальневосточных горкомов партии, заявившего, что он ненавидит немцев, «которые напали на нашу Родину <…>, [но] <…> за что можно ненавидеть японцев[?]» [30, с. 549].

А.Л. Кузьминых сделал ряд важных выводов из проведенного им анализа побегов. Приведем следующие.

- Количество беглецов в лагерях ГУПВИ было незначительным и составляло в среднем 2 чел. на тысячу военнопленных.
- Только 2,5 % беглецов удалось уйти от преследования.
- Чаще всего побеги фиксировались в лагерях, расположенных в приграничной полосе (в том числе Алтайском, Приморском и Хабаровском краях).
- Японцев и представителей других национальностей, служивших ранее в японской армии, в числе беглецов было немного [22, с. 213]. А.Л. Кузьминых привел такие данные: среди 2123 бежавших в 1947 г. было 68 японцев и корейцев (это составило лишь 3,2 % от общего количества) [22, с. 213].

Историк отмечает, что 20 % побегов были совершены пленными (всех национальностей) из зон лагерей, 80 % – с объектов работ [Там же, с. 214]. Он пишет и о таком важном аспекте, как подготовка к побегу, приводит диаграмму, которая свидетельствует о том, что чаще всего побеги совершались в период с апреля по сентябрь. Эти выкладки А.Л. Кузьминых не противоречат сведениям историков, писавших о побегах японских пленных из сибирских лагерей.

Работа М.В. Ходякова посвящена побегам иностранных военнопленных из лагерей НКВД – МВД Эстонии в 1945–1949 гг. И хотя японских военнопленных в Эстонии не было, статья представляет интерес, прежде всего, с точки зрения проведенного автором анализа директив, инструкций и приказов НКВД – МВД СССР, касающихся учета и содержания военнопленных в советских лагерях, розыска бежавших, применения оружия в отношении совершающих побег, организации оперативно-розыскной службы, направленной на предупреждение и ликвидацию побегов и т.д.

В статье Ю.А. Мизиса, посвященной побегам военнопленных Второй мировой войны из тамбовских лагерей в 1942–1946 гг., приведен материал и о японских пленных, составивших с осени 1945 г. большинство контингента лагеря № 188. Говоря о японцах, автор подчеркнул, что «в побег они не уходили» [26, с. 58]. Он объяснил это их психологией и дисциплиной, тем, что они «сохранили военную структуру своих подразделений <…>, командный состав и представление о необходимости выполнить порученную работу и вернуться на родину» [Там же]. Но мы считаем, что главным фактором была значительная удаленность расположения их лагеря от Японии. Мнение А.А. Долголюк и Н.М. Маркдорф о том, что «совершить удачный побег из глубоких тыловых районов СССР было поч-

ти невозможно» [8, с. 119], разделяет целый ряд историков. Понимали это и сами военнопленные.

С.Г. Сидоров в своей статье не ставил задачу анализировать организацию борьбы с побегами в лагерях японских военнопленных. Но сведения об изменениях в организации охраны лагерей военнопленных в 1945–1949 гг., опубликованные историком, важны для понимания темы. Кроме того, отметим, что С.Г. Сидоров, а также С.И. Кузнецов более обстоятельно, чем многие, осветили «дерзкий побег», предпринятый в ночь на 3 августа 1952 г. из лагеря № 16 (Хабаровский край) четырьмя осужденными военными преступниками из числа бывших военнослужащих японской армии, а также меры, принятые по результатам расследования данного побега руководством МВД СССР [17, с. 451; 28, с. 104].

В своей статье «Проявления протеста в лагерях японских военнопленных на территории СССР (1945–1956 гг.)» С.И. Кузнецов уделил побегам должное внимание. Историк спустя время вернулся к данному вопросу и вновь изложил свою точку зрения по данной – радикальной – форме протеста. Концептуально его позиция за четверть века не претерпела изменений и укладывается в русло концепции тоталитаризма. Историк в основном приводит ранее уже публиковавшиеся им сведения. Но нельзя не обратить внимание и на то, что автор внес и некоторые уточнения и поправки к тем текстам, которые увидели свет в 1990-е гг. Так, С.И. Кузнецов, поправляя свою и О.Д. Базарова совместную работу (1994), пишет о том, что обыски военнопленных происходили не один раз в месяц, а ежедневно [17, с. 447–448].

Некоторые зарубежные исследователи, писавшие о пребывании японских военнопленных на территории СССР, также затрагивали вопрос о побегах. Японский профессор Такэси Томита опубликовал работы [30–31], в которых освещен целый ряд важных вопросов, имеющих отношение к пребыванию японцев в лагерях СССР. Но сведений о побегах пленных в этих работах мы не обнаружили.

Швейцарский исследователь Рихард Дэлер подготовил и опубликовал диссертацию «Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе 1945–1956. Сравнение воспоминаний о пережитом» (2006), в которой (в первом параграфе главы «Сценарии обмана») затронул вопрос о побегах японских военнопленных. Однако в заключительном разделе диссертации «Заключение и выводы», где подводится итог исследованию и сформулированы важные выводы, он по какой-то причине ничего не говорит о побегах (возможно, считая проблему не такой важной, как другие) [9].

В 1997 г. на Украине была издана монография В.В. Карпова «Пленники Сталина», в которой рассматривается положение японцев в лагерях СССР. Она содержит обширный материал об «идеологической обработке» военнопленных, о репатриации японских пленных и по другим вопросам. В небольшой главе «Сопротивление плену» говорится, что формы сопротивлении «были различны и видоизменялись от простых критических обсуждений советской действительности <…> до создания всевозможных группировок пленных, групповых и одиночных побегов (разрядка наша. – *С.С.*)» [14, с. 122]. Но больше о побегах в монографии В.В. Карпова мы информации не обнаружили. В статье В.В. Карпова [13] мы также не нашли сведений о побегах, хотя название работы, на наш взгляд, предполагало, а ее объем позволял автору затронуть вопрос о побегах японских военнопленных.

В монографии казахстанского историка А.С. Жанбосиновой рассматривается содержание военнопленных, в том числе японских, в Восточном Казахстане. Основу монографии составили архивные документы, впервые вводимые в научный оборот. Обстоятельный анализ положения дел в лагерях Восточно-Казахстанской области показывает картину с размещением японских пленных, оборудованием лагерных отделений сигнализацией и иными средствами и т.д., аналогичную той, которая описана С.И. Кузнецовым, О.Д. Базаровым, М.Н. Спиридоновым, М.А. Кузьминой. Причины, которые «толкали пленных» на побеги: полуголодное существование (в первые месяцы пребывания в плену), бытовая неустроенность, тяжелый физический труд, произвол конвоя, смерть товарищей, «перспектива навсегда остаться в Сибири», сформулированные историками, изложены и в монографии А.С. Жанбосиновой [10, с. 16–20]. Приведен автором и конкретный случай попытки бегства четырех японских пленных с убийством охранника [Там же, с. 20].

Анализ работ показывает следующее.

1. Исследователи *провели изучение проблемы и опубликовали значимый материал*, освещающий побеги японцев из конкретных лагерных отделений и объектов работ ряда регионов страны. Но в отношении большинства «японских» и «смешанных» (в которых япон-

ские пленные также находились) лагерей такой информации пока не опубликовано. В имеющейся научной литературе нет обобщенных цифровых показателей о побегах японских пленных даже в отношении тех регионов, которые были взяты исследователями в качестве территориальных рамок диссертационных работ [27].

2. Были *проанализированы причины побегов японских военнопленных.* К основным причинам исследователи относят:

– слабое техническое оснащение лагерных отделений и спецгоспиталей на первом этапе (1945–1946 гг.) колючей проволокой, связью, иной техникой и оборудованием;

– плохую укомплектованность лагерей (особенно в 1945–1946 гг.) должным образом подготовленной охраной;

– тяжелые условия жизни и работы военнопленных;

– боязнь наказаний за те или иные проступки, боязнь разоблачения за преступления военного времени;

– ощущение безысходности и неверие японцев в то, что каким-либо иным способом можно попасть на родину, чему в немалой степени способствовало а) отсутствие на первом этапе пребывания японцев в СССР информации о репатриации; б) отсутствие регулярной почтовой связи с родными и близкими (до октября 1946 г.).

3. Ученые *выявили факторы, способствовавшие снижению к концу 1946 г. количества побегов.* Среди важнейших факторов – репатриация японцев (начавшаяся летом 1946 г. и активно разворачивавшаяся с осени 1946 г.). С началом репатриации побеги стали происходить заметно реже. Но, на наш взгляд, следует говорить (как это делают М.Н. Спиридонов, А.Л. Кузьминых и др.) о группе факторов, под воздействием которых количество побегов существенно сократилось:

– улучшение питания, вещевого обеспечения и жилищно-бытовых условий;

– возможность (с 1948 г.) получения посылок из-за рубежа;

– разрешение переписки между пленными японцами и их семьями (с октября 1946 г.);

– активизация и совершенствование политической работы среди военнопленных;

– расширение и активизация культурно-массовой работы в лагерях среди военнопленных (расширение сети кружков художественной самодеятельности и т.д.);

– разворачивающаяся репатриация.

Это в совокупности улучшило общую атмосферу в лагерях, а регулярная переписка с родственниками предоставляла дополнительную возможность следить за настроениями японцев, что повышало эффективность оперативной работы по предотвращению побегов.

Важно и то, что со временем совершенствовалась система охраны лагерей военнопленных, ликвидировались плохо оборудованные в техническом отношении лагерные отделения; «улучшался» кадровый состав сотрудников охраны лагерей; «совершенствовалось» использование «актива» из числа местных жителей по поиску и задержанию беглецов.

4. Историки *отмечали, что сведения о побегах в документах, отложившихся в архивах* (о количестве групповых и индивидуальных побегов, числе бежавших, числе убитых охранниками при попытках к бегству и при задержании), в отчетах и переписке лагерного руководства из-за личной и корпоративной заинтересованности занижены.

5. Исследователи *писали о привлечении населения к поиску и задержанию беглецов, а также об отношении к ним местных жителей, не состоявших в БС.* По информации историков, БС активно использовались для поиска и преследования беглецов. Опубликованы сведения о количестве БС и числе их членов, созданных в районах дислокации лагерных отделений, в которых находились японские пленные (но не по всем регионам страны, в которых они были размещены).

Опубликованные материалы о БС не дают оснований говорить об их неэффективности в отношении японских военнопленных. Однако нельзя не видеть того, что во многих описанных случаях о бегстве японцев из лагерей, располагавшихся в Сибири, местные жители помогали беглецам, укрывали и кормили. Причины такого отношения сибиряков к беглецам японской национальности совершенно иные, нежели у жителей Западной Украины и Прибалтики к беглым пленным бывшей немецкой армии. Главными факторами здесь стали человеческое участие, сострадание со стороны местных жителей, не воспринимавших японцев как «непримиримого врага» (в отличие от немцев, напавших на СССР).

Сыграла свою роль, очевидно, и манера поведения японцев в плену. Типичным является мнение очевидца, жителя Улан-Удэ: «В общении с русскими они были доброжелательны» [3, с. 18]. Характерным является и мнение о японских пленных ветерана труда Б.М. Мед-

ведева, работавшего вместе с ними в 1948 г. в шахте: «Я еще тогда понял, что японцы очень трудолюбивый народ. <…> Вообще японцы были общительными и порядочными людьми» [3, с. 57].

6. Авторы *писали о побегах тех японцев, которые были оставлены в СССР после завершения массовой репатриации бывших военнослужащих японской армии.* С апреля 1950 г. до декабря 1956 г. в СССР оставались осужденные и находившиеся под следствием военнопленные, сосредоточенные в специальных лагерях и охраняемые конвойными войсками. В июне 1951 г. охрана этих лагерей была передана в ГУЛАГ МВД СССР. Но даже при усиленной охране побеги полностью не прекратились. С.Г. Сидоров и С.И. Кузнецов подробнее других осветили «дерзкий побег», который совершили в ночь на 3 августа 1952 г. из лагеря № 16 (Хабаровский край) четверо осужденных военных преступников из числа бывших военнослужащих японской армии.

Говоря о перспективах историографии, отметим, что существует потребность в специальном исследовании комплекса вопросов, непосредственно связанных с побегами японских военнопленных, находившихся на территории СССР в 1945–1956 гг. В таком комплексном исследовании необходимо отразить и те стороны этой проблемы, которые пока либо не освещены в исторической литературе, либо освещены фрагментарно:

– количество побегов японских пленных и число их участников; количество задержанных, а также убитых при задержании; а кроме того – количество советских граждан, пострадавших от преступных действий беглецов и обстоятельства, при которых произошли эти трагические случаи (данные сведения необходимо выявить и проанализировать по всем регионам страны, где были размещены бывшие военнослужащие японской армии);

– анализ выполнения приказов наркома (министра) НКВД (МВД), направленных на борьбу с побегами японских военнопленных в регионах, где они находились (такой анализ, охватывающий весь период их пребывания в СССР (1945–1956 гг.), в работах историков отсутствует, хотя о «беспокойстве» со стороны руководства НКВД (МВД) и ГУПВИ положением дел, об издании соответствующих приказов и инспекторских визитах в лагеря военнопленных, а также работе по выполнению указаний «руководства», осуществленной в отдельных лагерях, они писали);

– организация поиска бежавших японских военнопленных: действия начальника лагерного отделения (на которого возлагались обязанности по организации поиска), планы первичного поиска (который составлялся в лагерях ГУПВИ заранее и должен был учитывать наиболее вероятные пути движения беглецов); действия оперативных групп, направляемых на поимку бежавших;

– роль агентурной сети, созданной в «японских» и «смешанных» лагерях НКВД – МВД СССР, состоявшей как из самих пленных, так и из работников лагерей, в предотвращении побегов;

– помощь, которую нередко оказывали бежавшим из лагерных зон и объектов работы японским пленным местные жители, в том числе женщины (приведенные во многих публикациях сведения о взаимоотношениях пленных японцев и советских женщин, не охватывают данный вопрос; между тем, как отмечал М.В. Ходяков, женщины «нередко <…> не только способствовали подготовке побегов, но и укрывали беглецов» [32, с. 240]).

Список литературы

1. Базаров О.Д. «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945–1948 гг.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997.
2. Базаров О.Д. Что известно о японских военнопленных, содержавшихся в Бурятии после окончания Второй мировой войны // История Бурятии в вопросах и ответах. Улан-Удэ: Сибирь, 1992. Вып. 3. С. 71–74.
3. Базаров О.Д., Кузнецов С.И. В сибирском плену (Японские военнопленные в Восточной Сибири). Улан-Удэ: Сибирь, 1994.
4. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002.
5. Бондаренко Е.Ю. Японские военнопленные на Дальнем Востоке России в послевоенные годы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997.
6. Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы и памяти японских военнопленных о СССР [Электронный ресурс]. URL: http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016 (дата обращения: 31.10.2016).
7. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Военнопленные в Сибири (1943–1950 гг.): Историческое исследование и документальные материалы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. Ч. I.
8. Долголюк А.А., Маркдорф Н.М. Иностранные военнопленные и интернированные в Сибири (1943–1950). М.: Кучково поле; Императорское русское историческое общество, 2016.

9. Дэлер Р. Японские и немецкие военнопленные в Советском Союзе 1945–1956 гг. Сравнение их сообщений о пережитом [Электронный ресурс]. URL: http://eu-ro-ni.ch/publications/Di_rus.pdf (дата обращения: 28.07.2017).

10. Жанбосинова А.С. Лагерная система Восточного Казахстана как составная часть ГУЛАГА – ГУПВИ. Усть-Каменогорск: ВКГУ им. С. Аманжолова, 2012.

11. Карасев С.В. История плена: Советско-японская война и ее последствия (1945–1956 годы): дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2007.

12. Карасев С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945–1949 гг.): дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2002.

13. Карпов В. Особенности пребывания японских военнопленных в СССР (1945–1956 гг.) // Військовий полон та інтернування. 1939–1956. Погляд через 60 років: матеріали Міжнародноі наукові конференціі 2–4 червня 2006 р. К.: Парламентське вид-во, 2008. С. 260–270.

14. Карпов В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии. 1945–1956 гг. Киев – Львов, 1997.

15. Кузнецов С.И. Политика советского государства в отношении японских военнопленных Советско-японской войны 1945 г. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, Б.С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6(18). 580–591.

16. Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994.

17. Кузнецов С.И. Проявления протеста в лагерях японских военнопленных на территории СССР (1945–1956 гг.) // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Вып. 8(20). Иркутск: Оттиск, 2017. С. 436–453.

18. Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945–1956 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 1994.

19. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск: Изд-во журнала «Сибирь», 1997.

20. Кузьмина М.А. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КнАГПИ, 1996.

21. Кузьминых А.Л. Борьба с побегами военнопленных и интернированных в лагерях НКВД – МВД (1939–1956 гг.) // Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом: состояние, тенденции и проблемы совершенствования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 28–29 ноября 2013 г.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. С. 79–87.

22. Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда: Древности Севера, 2016.

23. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.): дис … д-ра ист. наук. Архангельск, 2014.

24. Маркдорф Н.М. Военнопленные и интернированные Второй мировой войны в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013.

25. Маркдорф Н.М. О специфике агентурной, оперативной и следственной работы в западносибирских лагерях НКВД – МВД СССР (1943–1950) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 6. Т. 12. С. 102–109.

26. Мизис Ю.А. Побеги военнопленных из тамбовских лагерей в годы Второй мировой войны. 1942–1946 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3(17). С. 41–63.

27. Серебренников С.В. Авторефераты диссертаций о японских военнопленных в СССР (1945–1956 гг.) как историографический источник // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6. Ч. 2. С. 66–73.

28. Сидоров С.Г. Организация охраны военнопленных и борьба с побегами в лагерях НКВД – МВД СССР в 1941–1956 годах // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4(34). С. 100–106.

29. Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2001.

30. Томита Т. Интернированные в Сибирь японцы и их участие в общественном движении после возвращения на родину // Российско-японские отношения в формате параллельной истории: кол. моногр. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 531–561.

31. Томита Т. Немецкие и японские военнопленные в СССР: сравнительно-историческая оценка // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2017. Вып. 8(20). С. 453–463.

32. Ходяков М.В. Побеги иностранных военнопленных из лагерей НКВД – МВД Эстонии в 1945–1949 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 228–249.

* * *

1. Bazarov O.D. «Sibirskoe internirovanie»: japonskie voennoplennye v Burjatii (1945–1948 gg.). Ulan-Udje: VSGAKI, 1997.

2. Bazarov O.D. Chto izvestno o japonskih voennoplennyh, soderzhavshihsja v Burjatii posle okonchanija Vtoroj mirovoj vojny // Istorija Burjatii v voprosah i otvetah. Ulan-Udje: Sibir’, 1992. Vyp. 3. S. 71–74.

3. Bazarov O.D., Kuznecov S.I. V sibirskom plenu (Japonskie voennoplennye v Vostochnoj Sibiri). Ulan-Udje: Sibir’, 1994.

4. Bondarenko E.Ju. Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1956 gg.). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2002.

5. Bondarenko E.Ju. Japonskie voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii v poslevoennye gody. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1997.

6. Guchinova Je.-B. Risovat' lager'. Jazyk travmy i pamjati japonskih voennoplennyh o SSSR [Jelektronnyj resurs]. URL: http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016 (data obrashhenija: 31.10.2016).

7. Dolgoljuk A.A., Markdorf N.M. Voennoplennye v Sibiri (1943–1950 gg.): Istoricheskoe issledovanie i dokumental'nye materialy. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2014. Ch. I.

8. Dolgoljuk A.A., Markdorf N.M. Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Sibiri (1943–1950). M.: Kuchkovo pole; Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshhestvo, 2016.

9. Djeler R. Japonskie i nemeckie voennoplennye v Sovetskom Sojuze 1945–1956 gg. Sravnenie ih soobshhenij o perezhitom [Jelektronnyj resurs]. URL: http://eu-ro-ni.ch/publications/Di_rus.pdf (data obrashhenija: 28.07.2017).

10. Zhanbosinova A.S. Lagernaja sistema Vostochnogo Kazahstana kak sostavnaja chast' GULAGA – GUPVI. Ust'-Kamenogorsk: VKGU im. S. Amanzholova, 2012.

11. Karasev S.V. Istorija plena: Sovetsko-japonskaja vojna i ee posledstvija (1945–1956 gody): dis. … d-ra ist. nauk. Irkutsk, 2007.

12. Karasev S.V. Japonskie voennoplennye na territorii Chitinskoj oblasti (1945–1949 gg.): dis. … kand. ist. nauk. Irkutsk, 2002.

13. Karpov V. Osobennosti prebyvanija japonskih voennoplennyh v SSSR (1945–1956 gg.) // Vijs'kovij polon ta internuvannja. 1939–1956. Pogljad cherez 60 rokiv: materiali Mizhnarodnoi naukovoi konferencii 2–4 chervnja 2006 r. K.: Parlaments'ke vid-vo, 2008. S. 260–270.

14. Karpov V. Plenniki Stalina. Sibirskoe internirovanie japonskoj armii. 1945–1956 gg. Kiev – L'vov, 1997.

15. Kuznecov S.I. Politika sovetskogo gosudarstva v otnoshenii japonskih voennoplennyh Sovetsko-japonskoj vojny 1945 g. // Sibirskaja ssylka: sb. nauch. st. / otv. red. A.A. Ivanov, S.I. Kuznecov, B.S. Shostakovich. Irkutsk: Ottisk, 2011. Vyp. 6(18). 580–591.

16. Kuznecov S.I. Problema voennoplennyh v rossijsko-japonskih otnoshenijah posle Vtoroj mirovoj vojny: ucheb. posobie. Irkutsk: Izd-vo IGU, 1994.

17. Kuznecov S.I. Projavlenija protesta v lagerjah japonskih voennoplennyh na territorii SSSR (1945–1956 gg.) // Sibirskaja ssylka: sb. nauch. st. Vyp. 8(20). Irkutsk: Ottisk, 2017. S. 436–453.

18. Kuznecov S.I. Japonskie voennoplennye v SSSR posle Vtoroj mirovoj vojny (1945–1956 gg.): dis. … d-ra ist. nauk. Irkutsk, 1994.

19. Kuznecov S.I. Japoncy v sibirskom plenu (1945–1956 gg.). Irkutsk: Izd-vo zhurnala «Sibir'», 1997.

20. Kuz'mina M.A. Plen: Japonskie voennoplennye v Habarovskom krae. Komsomol'sk-na-Amure: Izd-vo KnAGPI, 1996.

21. Kuz'minyh A.L. Bor'ba s pobegami voennoplennyh i internirovannyh v lagerjah NKVD – MVD (1939–1956 gg.) // Ugolovnaja i ugolovno-ispolnitel'naja politika v Rossii i za rubezhom: sostojanie, tendencii i problemy sovershenstvovanija: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Vologda, 28–29 nojabrja 2013 g.). Vologda: VIPJe FSIN Rossii, 2013. S. 79–87.

22. Kuz'minyh A.L. Voennyj plen i internirovanie v SSSR (1939–1956 gody). Vologda: Drevnosti Severa, 2016.

23. Kuz'minyh A.L. Sistema voennogo plena i internirovanija v SSSR: genezis, funkcionirovanie, lagernyj opyt (1939–1956 gg.): dis … d-ra ist. nauk. Arhangel'sk, 2014.

24. Markdorf N.M. Voennoplennye i internirovannye Vtoroj mirovoj vojny v Zapadnoj Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2013.

25. Markdorf N.M. O specifike agenturnoj, operativnoj i sledstvennoj raboty v zapadnosibirskih lagerjah NKVD – MVD SSSR (1943–1950) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2010. № 6. T. 12. S. 102–109.

26. Mizis Ju.A. Pobegi voennoplennyh iz tambovskih lagerej v gody Vtoroj mirovoj vojny. 1942–1946 gg. // Novejshaja istorija Rossii. 2016. № 3(17). S. 41–63.

27. Serebrennikov S.V. Avtoreferaty dissertacij o japonskih voennoplennyh v SSSR (1945–1956 gg.) kak istoriograficheskij istochnik // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2016. T. 8. № 6. Ch. 2. S. 66–73.

28. Sidorov S.G. Organizacija ohrany voennoplennyh i bor'ba s pobegami v lagerjah NKVD – MVD SSSR v 1941–1956 godah // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2015. № 4 (34). S. 100–106.

29. Spiridonov M.N. Japonskie voennoplennye v Krasnojarskom krae (1945–1948 gg.): problemy razmeshhenija, soderzhanija i trudovogo ispol'zovanija: dis. … kand. ist. nauk. Krasnojarsk, 2001.

30. Tomita T. Internirovannye v Sibir' japoncy i ih uchastie v obshhestvennom dvizhenii posle vozvrashheniya na rodinu // Rossijsko-japonskie otnoshenija v formate parallel'noj istorii: kol. monogr. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 531–561.

31. Tomita T. Nemeckie i japonskie voennoplennye v SSSR: sravnitel'no-istoricheskaja ocenka // Sibirskaja ssylka: sb. nauch. st. Irkutsk: Ottisk, 2017. Vyp. 8(20). S. 453–463.

32. Hodjakov M.V. Pobegi inostrannyh voennoplennyh iz lagerej NKVD – MVD Jestonii v 1945–1949 gg. // Novejshaja istorija Rossii. 2013. № 2. S. 228–249.

Escapes of Japanese prisoners of war from Soviet camps (1945–1956) (domestic and foreign historiography)

The article deals with the escapes of Japanese prisoners of war from the camps located on the territory of the USSR (1945–1956) as described by Russian and foreign researchers. The author represents the historiographical analysis of the works of researchers from Russia, Kazakhstan, Ukraine, Switzerland, Japan, published in 1992–2017 and concerning the escapes of Japanese prisoners of war from the camps located on the territory of the Soviet Union.

Key words: *Japanese prisoners of war in the USSR, GUPVI, camps of NKVD – MVD of the USSR, escapes of prisoners of war, security, domestic historiography, foreign historiography.*

(Статья поступила в редакцию 30.08.2017)

Н.Б. КРЫЛОВА, А.В. МАТУС
(Волгоград)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СТАЛИНГРАДА В 1943–1945 гг.

Характеризуется состояние учреждений дошкольного образования после окончания Сталинградской битвы, анализируются мероприятия партийных и советских органов по организации работы детских садов в 1943–1945 гг., в том числе по восстановлению материальной базы, решению кадровой проблемы, обеспечению медицинским обслуживанием.

Ключевые слова: *послевоенный Сталинград, детские сады, восстановление.*

История Сталинградской битвы и края в период Великой Отечественной войны очень многопланова, она постоянно привлекает внимание исследователей. Историография этого вопроса насчитывает тысячи монографий и статей. Вместе с тем некоторые аспекты истории военного Сталинграда недостаточно изучены. Это замечание относится и к теме положения мирного населения города в условиях битвы и после ее окончания. Статья посвящена проблеме восстановления системы детских садов в Сталинграде после окончания сражения, в результате которого городу был нанесен огромный урон, разрушены промышленные предприятия и жилые дома. Возрождение Сталинграда и промышленных предприятий выдвинуло как одну из важнейших проблему создания условий для труда тысяч женщин-сталинградок, имеющих детей. Поэтому уже зимой-весной 1943 г. в Сталинграде началось восстановление сети детских садов.

До августа 1942 г., т.е. до начала боев в черте города, в Сталинграде насчитывалось 118 детских садов, в которых находилось около 10000 детей. Вскоре после разгрома немецких войск, уже в феврале 1943 г., стали открываться первые детские сады. Первоначально они действовали в качестве детских домов для детей, которые потеряли родителей в период боевых действий. Работу детского сада № 10 организовала в январе 1943 г. заведующая Е.И. Коваленкова. Коллектив работников проделал большую работу по ремонту здания и сбору оборудования, и 28 февраля он уже принял детей [5. Оп. 5. Д. 43. Л. 2]. Детский сад № 35 был открыт 1 апреля 1943 г. для детей-сирот железнодорожницей Каширской вместе с воспитателями Сорокоумовой и Корнеевой.

Одним из первых был организован детский сад № 48 для детей-сирот. Он располагался по Оренбургской улице и был рассчитан на 35 человек. 5 марта детский сад начал работу под руководством заведующей А.Ф. Семилетовой и воспитательницы В.П. Подосинниковой. 21 марта дети были отправлены в детский дом в Серебряные пруды, а 29 марта вместо детдома был открыт детский сад на 60 детей, матери которых вышли на работу. Вскоре силами коллектива работников детского сада были восстановлены два дома по Некрасовской улице, и детский сад принимал уже 120 детей. Детский сад № 37 был подготовлен к открытию с 1 марта 1943 г. на Республиканской улице (в доме № 54). Помощниками заведующей А.П. Самарской были уборщица и завхоз, в течение двух месяцев в саду не было воспитательницы, что, безусловно, очень затрудняло его работу. Сначала детский сад принимал 15 детей, 1 мая – 55, к 1 августа – уже 150 [Там же].

К 29 июня 1943 г. в Сталинграде уже действовали 44 детсада на 2985 чел. В Дзержинском районе детские сады посещали примерно

© Крылова Н.Б., Матус А.В., 2017